

в него различных легенд, сказаний, всяких вставок и дополнений. Таков был в то время наиболее распространенный метод литературной обработки исторических повестей, включавшихся в русские летописи или особые сборники (хронографы). Этот «метод» допускал произвольное искажение подлинника. Составители, а иногда и переписчики, не только дополняли текст, но и допускали полное или частичное объединение двух различных произведений. Примером может служить Никоновская летопись, где вслед за «Повестью о падении Царьграда» и без всякого заголовка идет обширный текст о намерении султана Мухаммеда (Магомета) сжечь христианские книги и рассказ о том, какими мерами этот султан ввел в своем царстве «правду», установил оброки, суды, наместничества и пр., т. е. здесь, таким образом, помещено известное сказание Ивана Пересветова «О царе турском Магомете, како хотел сожечи книги греческие», приведенное в русском хронографе второй редакции.

При таком методе обработки текста, включенного в летописи и хронографы, естественно, не было принято указывать имя автора какой-нибудь составной части этого сводного произведения. Быть может, этим фактом, а не доводом, приведенным архимандритом Леонидом (нежелание уменьшить или ослабить влияние «Повести» на народное чувство известием, что она написана «беззаконным», да еще «потурченцем»), следует объяснить, почему имя Нестора Искандера, равно как и его «послесловие», исчезло из списков «Повести», включенных в летописи и хронографы. Однако, когда эта «Повесть» выступает как отдельное самостоятельное произведение, в ее тексте сохранено послесловие с именем автора. Такой единственный текст, относящийся к XVI в., и был открыт архимандритом Леонидом.

Теперь остается установить, когда и где был подвергнут переработке основной текст исторической «Повести» Нестора Искандера и когда новый объединенный текст мог получить распространение.

Так как самый ранний из известных нам переделанных текстов «Повести» Нестора Искандера относится к началу XVI в., можно предполагать, что это и было временем появления в России оригинала, т. е. собственно текста, принадлежащего Нестору Искандеру. Быть может, в своем первоначальном виде этот текст или первые списки с него, относящиеся к XV в., навсегда утрачены; можно даже высказать ничем пока не подтвержденное предположение, что «Повесть» Нестора Искандера появилась в России только в самом конце XV или же в начале XVI в.

Этот вопрос будет разрешен только после тщательного анализа отдельных частей «Повести», и особенно тех ее мест, в которых описываются события, происходившие в дни осады в самом Константинополе.

Исследователь должен будет обратить внимание на то, что в дошедшем до нас тексте «Повести» часто встречаются имена и географические названия, редко упоминаемые в русских текстах. Сюда можно отнести имена Мефодия Патарамского и Льва Премудрого, на пророчество которых в «Повести» имеется ссылка, великого Филиппа (восстание его в «видении» Даниила), Вовуса, Скеролафа, Стафорина и др. Название Константинополя «Седмохолмый», известное по надписи на гробнице Константина Великого, обычно не употреблялось в России. Даже вставка о грядущей победе «русии рода» и его утверждении в Седмохолме не могла появиться на русской почве, а принесена вместе с навязанной русскому народу и чуждой ему идеей о Москве, как наследнице Византии, как третьем Риме.

Важным обстоятельством при разрешении вопроса о времени появления исторической «Повести» Нестора Искандера служит то, что ни в одном из известных списков русского хронографа первой редакции, пересмотр